

К новому расцвету культуры!

Шестая Сессия Верховного Совета СССР закончила свою работу. Социалистический парламент нашей страны с огромным удовлетворением заслушал доклад Вячеслава Михайловича Молотова о внешней политике правительства. В речи председателя Совета Народных Комиссаров СССР, полной достоинства и спокойствия, отразилось стремление советского народа к миру и вместе с тем его непреклонное желание любой ценой обеспечить безопасность наших государственных границ, и в частности города Ленина, крупнейшего промышленного и культурного центра СССР.

Англо-французские империалисты устремились все свои силы к тому, чтобы создать на севере новый очаг войны, подготовили в Финляндии мощный плацдарм для нападения на СССР. Железобетонные и гранитные сооружения, новейшая военная техника — все было ими использовано, чтобы нанести удар стране социализма. Памяные страницы из буржуазных газет не жалели красок, чтобы опорочить Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Мутный шквал клеветы и самой разнузданной лжи залил империалистически страны. Цена их писания теперь ясна всему миру. Прошло только три с половиной месяца, но «Линия Малленгейма», считающаяся до сих пор непреступной, взрезана, разбита, а с Финляндией подписан мир на условиях, целиком отвечающих интересам обороны Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской Флот ликвидировали усиленно раздувавшийся очаг мировой войны, и наша страна продолжает в мирных условиях заниматься своим хозяйственным и культурным строительством.

В докладе на Сессии народного комиссара финансов СССР тов. Зверева были приведены данные, которые представляют особый интерес. Мы имеем в виду цифры расходов на культурное строительство страны. В нынешней международной обстановке, когда крупнейшие капиталистические государства Европы ведут войну за новый передел мира, заправляем из кулчи «духот семейств» нет никакого дела до школ, театров, кино. Война закрыла множество учебных заведений, отняла возможность у миллионов детей получать образование, сильно сократила сеть учебных предприятий. Во Франции расходы на культуру составляют лишь 6,4 процента всего государственного бюджета страны, а в Японии и того меньше — 3,7 процента.

Иное положение у нас. Двадцать четыре процента всего государственного бюджета — это расходы на культурные мероприятия. Около 43 миллиардов рублей будет затрачено в 1940 году на просвещение, здравоохранение, искусство, науку, физическую культуру и т. д. По сравнению с прошлым годом это дает увеличение на четыре с половиной миллиарда, или 11,8 процента.

Школы в нынешнем учебном году предоставят возможность учиться еще 2 1/2 миллионам детей, а всего в школах будут обучаться около 37 миллионов ребят. В городах и деревнях открываются новые больницы, поликлиники, санатории и дома отдыха и расширяется старье, ибо бюджет 1940 года предусматривает увеличение, по сравнению с предыдущим годом, расходов на здравоохранение и физическую культуру на сумму 1,2 миллиарда рублей.

Огромные средства пойдут на осуществление культурных мероприятий в западных областях Украины и Белоруссии и в

Карело-Финской республике, преобразованной на этой Сессии в новую, двенадцатую союзную республику, из Карельской АССР и отошедшей к нам территории Финляндии.

Ничто не сможет посягнуть на все это хозяйственное и культурное строительство, ибо на страже его стоит государство, непобедимая Красная Армия, для укрепления мощи которой Верховный Совет отпустил 57 миллиардов рублей.

Таковы кратко факты, показывающие, что государство еще больше укрепило материальную базу для нового погрома всех областей культуры.

На Сессии впервые присутствуют депутаты Верховного Совета СССР от западных областей Украины и Белоруссии. Среди них — наши товарищи-писатели Ванда Василевская, Филипп Пестрак, академик Кирилл Исидорович Студинский. Совсем недавно они жили в бывшей польской Польше, и на себе испытывали, как уютно капитализм культуры. Филипп Пестрак, поэт, певец страданий белорусского народа, угнетающегося шляхтой, находился в тюремном заточении, академик Студинский травмировался, всячески мешали его научной работе, из правых и талантливых кнителей Ванды Василевской вырывали целые страницы. Теперь, присутствуя на Сессии, они смогли воочию убедиться, что страна, где безраздельно господствует социализм, — это родина подлинной культуры, братства, дружбы народов. Вот почему так восторженно прозвучали слова поэта Пестрака, произнесенные им с трибуны Сессии. Его речь выражала чувства и мысли миллионов тружеников, освобожденных от гнета польских панов.

Государственный бюджет СССР дает огромные материальные возможности для роста культуры. С другой стороны, крупнейший стимулом для расцвета науки, литературы, искусства, изобретательства, военных знаний являются ежегодные Сталинские премии и стипендии. Несколько дней тому назад Совет Народных Комиссаров СССР утвердил порядок присуждения премии и стипендий имени Сталина и состав комитета по Сталинским премиям. В числе членов Комитета по присуждению премии за лучшие работы в области литературы и искусства — писатели Михаил Погодин, Алексей Толстой, А. А. Фадеев, поэт Н. Н. Девев, Янка Купала, драматург А. Е. Корнейчук, критик И. К. Лушин, А. С. Гурвич. Сталинские премии вдохновляют литераторов советской страны к созданию глубоких художественных произведений, отражающих нашу современную жизнь и прошлое народов СССР. Сталинские премии — это не только поощрение за лучший труд, но и призы к новым вершинам реалистического, жизнеутверждающего искусства. Нужно ли говорить, что каждый художник мечтает о том, чтобы его труд был так высоко оценен и удостоен. И совершенно верно писала «Правда», что «в нашей стране есть достаточно деятелей науки, литературы и искусства, которые могут с честью добиваться высокого и почетного награждения Сталинской премией».

Советский народ ждет от писателей глубоких по содержанию, высоких по мастерству книг. В соревновании на получение Сталинской премии рождается много великих произведений, в которых получают достойное отражение наш героический народ, преодолевающий все препятствия; стоящие на его пути, и строящий новую жизнь, новые отношения людей, новую культуру.

Пам'яті А. С. Макаренка

1 апреля в клубе писателей состоялся вечер памяти Антона Семеновича Макаренки.

В президиум вечера — сын покойного писателя, А. Макаренко, и его ученик С. Балабалин.

Вечер открыл Виктор Финк.

Ю. Лукин в кратком докладе охарактеризовал А. С. Макаренко как обязательного человека и замечательного писателя. Он, в частности, поставил вопрос об издании полного собрания сочинений Антоны Семеновича, в которое должны быть включены его первая повесть «Мальчиш тридцатого года» и повесть «Мажор», подписанная псевдонимом Гальченко.

О Макаренко, — сказала А. Караваева, — должна быть создана научная монография. Это был истинный художник социалистической эпохи, воплотивший в себе гуманность и благородство нового строя.

Проф. В. Колбаковский обрисовал педагогические идеи А. С. Макаренко, раскры-

тые им не в теоретических абстракциях, а в живом, художественном показе людей.

— Эти идеи, — сказал В. Колбаковский, — пора перенести из сферы воспитания беспризорных детей, где ее применил Макаренко, в сферу нормальной школы.

Такой опыт предполагал провести А. С. Макаренко незадолго до своей смерти. Ростки школы отдал народного образования представлял ему для этого одну из районных школ. То, чего не успел сделать сам Макаренко, должны выполнить педагоги, перенеся — вдумчиво, а не механически — в широкую школьную практику принципы и методы его воспитательной системы.

С воспоминаниями об А. С. Макаренко выступил его бывший воспитанник — лейтенант П. Тоников и С. Балабалин, педагоги В. Бирюков и С. Гурвич и режиссер Н. Петров.

С. И.

ШЕШТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. На снимке: депутаты Ванда Василевская и В. Г. Садовая (Львовская область) на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 31 марта 1940 г. Фотоклаше ТАСС.

Шестая Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

Информационное сообщение о заседании Совета Союза и заседании Совета Национальностей 4 апреля 1940 года

Вчера, 4 апреля, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, в 11 часов дня состоялось пятное заседание Совета Союза и в 6 часов вечера — пятное заседание Совета Национальностей.

На заседании Совета Союза председательствует — Председатель Совета Союза депутат Андрей А. А., на заседании Совета Национальностей — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М.

На заседаниях обеих Палат были рассмотрены законопроекты, внесенные Советом Народных Комиссаров СССР.

Совет Союза и Совет Национальностей в порядке постоянного чтения единогласно утвердили — по статьям, а затем и в целом — «Закон о подоходном налоге с населения», «Закон о сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства с населения, облагаемого подоходным налогом» и «Закон об обязательном окладном страховании».

Затем Совет Союза и Совет Национальностей рассмотрели четвертый вопрос порядка дня Сессии — об Указах Президиума Верховного Совета СССР, принятых за период между сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

С докладом по этому вопросу в обеих Палатах выступил Секретарь Президиума Верховного Совета СССР депутат Горкин А. Ф.

Совет Союза и Совет Национальностей единогласно утверждали «Закон о дополнении Конституции (Основного Закона) СССР статьями 29-а и 29-б и об изменениях и дополнениях статей 22, 23, 27, 28, 29 и 77», в связи с образованием областей в Туркменской ССР, Таджикской

ССР и Кыргызской ССР; образованием новых областей в Украинской ССР, Белорусской ССР и Казахской ССР; в связи с переименованием Пермской области в Молотовскую и принятием Законом о преобразовании Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику; а также в связи с разделением общесоюзного Народного Комиссариата топливной промышленности на два Комиссариата — угольной промышленности и нефтяной промышленности.

Обе Палаты также единогласно утверждают Указ Президиума Верховного Совета СССР «О разграничении областей между Украинской Советской Социалистической Республикой и Белорусской Советской Социалистической Республикой» и Указы Президиума Верховного Совета СССР о назначении:

Народным Комиссаром по строительству — тов. Гинзбурга С. З.
Народным Комиссаром здравоохранения СССР — тов. Митерева Г. А.
Народным Комиссаром нефтяной промышленности СССР — тов. Нагановича Л. М.
Народным Комиссаром угольной промышленности СССР — тов. Вахрушева В. В.
Народным Комиссаром авиационной промышленности СССР — тов. Шахурина А. И.
Председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР — тов. Храмченко М. В.
Народным Комиссаром Заготовок — тов. Донского В. А.

На этом Шестая Сессия Верховного Совета СССР закончила свою работу.

Чествование памяти В. В. Маяковского за рубежом

Поэзия Владимира Маяковского оказала большое влияние на литературу многих народов. Его стихи и поэмы переведены на ряд иностранных языков. Интерес к советской поэзии и в первую очередь к произведениям Маяковского возрастает за рубежом с каждым годом. Сейчас в связи с 10-летием со дня смерти Маяковского во многих странах устраиваются вечера и доклады, посвященные памяти великого советского поэта.

Иностранная комиссия Союза советских писателей получила письмо, посланное 18 болгарскими писателями, в числе Лукило Стояновым, Марией Грубевской, Гюнчо Бетевым, Тодором Павловым и др. В этом письме, озаглавленном «Приветствие новой человеческой культуры», говорится:

«Поэзия Маяковского очень популярна в Болгарии. Его имя широко известно, как имя поэта, художника и носителя новых истин. Вместе с советским народом и советской интеллигенцией мы глубоко чтим память Маяковского и любим его поэзию».

Болгарские писатели прислали первые переводы Маяковского на родной язык и литературный еженедельник «Шит», в котором напечатаны статьи о советском поэте. Сейчас в Болгарии подготовлен труд — «Влияние Маяковского на болгарскую поэзию».

В Каунасе устраивается большой литературный вечер, на котором будут прочитаны доклады о творчестве Маяковского и о влиянии Маяковского на литовскую поэзию. Открывается специальная выставка.

Сербский поэт Стиеник перевел поэму Маяковского «Хорошо».

Иностранная комиссия Союза советских писателей обратилась к 30 крупным зарубежным писателям с просьбой помочь библиотеке-музею В. В. Маяковского в Москве собрать все иностранные переводы произведений поэта и статьи о нем. Это обращение, gửi по первым письмам, нашло горячий отклик в среде зарубежных писателей.

(ТАСС).

В Совнаркоме Союза ССР О порядке присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства

Совет Народных Комиссаров Союза ССР утвердил порядок присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства.

Премии имени Сталина, учрежденные Постановлениями Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 года и 1 февраля 1940 г., присуждаются ежегодно Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению Комитета по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства и Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Эти комитеты образованы при Совете Народных Комиссаров Союза ССР для предварительного рассмотрения работ в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства, представляемых на соискание премий имени Сталина.

Работы в области науки, военных знаний, литературы и искусства, а также заявки или описания изобретений и положения всех необходимых документальных данных на соискание премий имени Сталина, представляются Комитетом по Сталинским премиям ежегодно не позднее 15 октября, а последними представляются с продолжением о присуждении премий в Совет Народных Комиссаров Союза ССР не позднее 1 декабря.

На соискание премий имени Сталина представляются лишь новые работы или изобретения, законченные в год присуждения премий. Работы или изобретения могут представляться научными обществами, научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями и общественными организациями.

Работы или изобретения, законченные в период с 15 октября по 31 декабря, могут быть представлены на соискание премий имени Сталина в следующем году.

Работы в области науки и военных знаний и описания изобретений представляются на любом языке в 3 экземплярах, опечатанные на пишущей машинке или типографским способом; литературные, музыкальные произведения и проекты архитектурных сооружений представляются в одном экземпляре, а остальные произведения искусства — в оригинале.

Опыты и присуждение премий за работы в области прикладного искусства и изобретательства производится как на основании представленных материалов (тексты, схемы, макеты и т. п.), так и на основании имеющих место поздравительных и театральные постановки.

Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства публикуются в центральной печати в день 21 декабря. Лицам, получившим Сталинскую премию, выдается диплом.

Комитет по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета — академик Баха А. П.,
заместителей Председателя — 1) академика Лавренко Т. Д., 2) Председателя ВРБШ Рафтанова С. В.

и членов Комитета: Абжишкова А. И., Байкова А. А., Богомолов А. А., Воята Е. С., Воята А. Г., Веленинова В. Н., Горева К. В., Дегтярева В. А., Порфе А. Ф., Кари-Низова Т., Колесникова А. К., Козлова В. Л., Косаченко Г. П., Болынов А. Н., Кузнецова В. В., Курянова Н. С., Логинова М. Н., Марафонца И. А., Меликова В. А., Митина М. Б., Мусхелишвили Н. И., Обручева В. А., Орбели Л. А., Петровского В. А., Поспелова П. П., Потемкина В. П., Ставицкого С. П., Тарле Е. В., Трайнина И. П., Чернышова А. А., Чуваева Е. А., Шидта О. Ю., Яковлева А. С., Ярославского Е. М.

Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета — народного артиста СССР Непомнящий-Лавченко В. П., Заместителя Председателя — 1) Глиера Р. М., 2) Шолохова М. А., 3) Довженко А. П.

и членов Комитета: Асеева Н. П., Александрова Г. Ф., Александрова А. В., Бай-сидорова Г. Ф., Валиева В. Г., Веснина В. А., Грабарь П. Э., Гольденко-Евзера А. В., Герасимова А. М., Гурьяна А. С., Галжбилова Ю. Гулакни А. К., Дунаевского Н. О., Янка Купала, Кузнецова Е. М., Корнейчук А. Е., Лушова И. В., Мухомин В. И., Меркулова С. Д., Молдабаева Абдылас, Морьянова А. Т., Москвина И. М., Михалса С. М., Мысковского Н. И., Насыровой Халимы, Самосуда С. А., Симанова Р. Н., Судачкова И. Я., Толстого А. Н., Фадеева А. А., Храмченко М. Б., Хоравая А. А., Чпаурели М. Э., Черкасова Н. К., Шапорины Ю. А., Эрмлера Ф. М.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР утвердил Положение об указанных Комитетах по Сталинским премиям при Совете Народных Комиссаров Союза ССР. (ТАСС).

Приветствие союза писателей Максиму Рыльскому

Дорогой Максим Фадеевич!

Президиум ССР СССР приветствует Вас в день тридцатилетия литературной деятельности блестящего мастера стиха, всыскательный художник, любящий, славящий жизнь, Вы обогатили поэзию Советской Украины, отразили радостную счастливую жизнь многомиллионного советского народа.

Прекрасный переводчик Пушкина, Микшевича, народного эпоса, Вы содействовали

укреплению сталинской дружбы народов. Идя в своем творчестве от лучших традиций поэзии Шевченко, от украинской народной поэзии, Вы создали замечательную песню о великом друге народов — Сталине, которую поют миллионы советских людей. Желаем Вам много лет плодотворной работы.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Юбилей М. С. Крюковой

В архангельском Большом театре состоялось торжественное заседание партийных и советских организаций, посвященное пятидесятилетию творческой деятельности замечательной русской сказительницы Марфы Семеновны Крюковой.

Открывая заседание, секретарь архангельского обкома ВРБ(б) пропел песню: «Службас!».

— Подобный юбилей немалым был в нашей России. Капитализм душил народные таланты. Под яркими лучами Сталинской Конституции в стране победившего социализма пыльным цветом расцвело народное творчество. Блестящим примером этого служит деятельность Марфы Семеновны Крюковой. Ее творчество имеет исключительное значение в коммунистическом воспитании трудящихся. Замечательные былины, сказки, новины Крюковой захватывают сердца людей благородным чувством патриотизма, беспримесной любовью к родной, к великому Ленину, к вождю и учителю Сталину.

В почетный президиум избирается Политбюро ЦК ВРБ(б) во главе с товарищем Сталиным.

В президиум собрания избираются: Марфа Семеновна Крюкова, руководители партийных и советских организаций, архангельские писатели Коичев, Миронов, Писахов и весь состав делегации ССР СССР — Анна Караваева, академик Ю. Соколов, проф. Андрей, Викторин Попов, Н. Замощкин, Ал. Яковлев, В. Арлов, Маргарита Алтер и работающая с М. С. Крюковой фольклористка Астахова, Гофман, Липец и Борозина.

С ярким докладом о жизни и творчестве Крюковой выступил академик Ю. Соколов. Докладчик говорил о Крюковой как об удивительном хранителе русского народного эпоса и о талантливом современном поэте. Творчество Крюковой — это голос народа. Крюкова — знатный человек, она гордится не только Архангельской областью, но и всей нашей страной, В

заключение Ю. Соколов пожелал Марфе Семеновне долгие лет жизни и выразил уверенность, что современная сказительница и виртуоз будет пропевать свои замечательные сказки «Белому морю на тихину, а всему советскому народу на послушавице».

Анна Караваева приветствует М. Крюкову от президиума ССР, проф. Андрей — от Ленинградского отделения ССР, Института литературы и педагогического института им. Герцена, акад. Ю. Соколов — от Академии наук УССР и Института фольклора, тов. Гофман — от Московского института философии, истории и литературы, тов. Липец — от Государственного литмузея.

Отглашают поздравительные телеграммы от Джабула, А. Фадеева, академиком Ал. Толстого, Лушова, Грехова, проф. Азатовского, от украинской ССР.

На трибуне — Марфа Семеновна Крюкова.

— Великое вам благодаренье от моего сердечка желанного, — начинает она с большим волнением.

Никогда я умом-разумом не думала, В совневещаниях мне не снилось, Что воздвигнет меня народ-люди на чашу высокую.

Счастье дал-наделал наш великий вождь, Премудрый славный Сталин-вещь, Искре Виссарьонович.

Долго жить ему, вечно здравствовать! Крюкова славит партию, благодарит славный народ советский, «всех со старшего и до младшего, всем по назывому поклоу с челобитием».

И заканчивает свою речь по-былинному, под гром аплодисментов:

Белому морюшку на тихину на тихую, Архангельску-городу на чашу-славушку великую!

К. Н.
Архангельск.

Юбилейные торжества в честь Ш. Камала

20 марта в Казани, в Татарском академическом театре имени Галиаскара Камала, состоялось торжественное собрание, посвященное 30-летию общественно-литературной деятельности Шарифа Камала.

По предложению писателя Т. Гизьята, собрание избрало в почетный президиум Политбюро ЦК ВРБ(б) во главе с товарищем Сталиным.

В президиум избраны секретари Татарского обкома ВКП(б) тт. Алмасов, Матвеев, Абдулманов, Мохаметов, Долгачев, председатель Совнаркома Татарской Республики, Шариф Камал, предста-

М. РЫЛЬСКИЙ

Украина

Лезет века под слоем пыли,
Позасыхала кровь на них,
Былое — огдане могиле,

О, воды украинских рек!
Не раз вы широко обгабили,
И свались прочь на берегов,

Днепровской сини глубина
Покрыто двигает турбины,
Течет высоковольтный ток,

Земля меняет на глазах
Свое лицо, растут заводы,
Поют и лес, и дод, и сад,

И песня молодым потоком
На той волнуется земле,
Где в старину ручьем широким

Ты пса, Тарас, и песен тек
Не могут позавать народы,
Твой, Гоголь, бесоглазый смех

Мы помним битвы и походы,
Мы помним царский генерал
Петлюра — шкура и шапал,

И Коцюбинский, и Франко?
Раздаться, реки, широко,
Могучий топаль и травинка,

И всем враном суля негвозды,
В последний йот зовет народы
За наш бессмертный идеал.

Перевел с украинского Лев ДЛИГАЧ.

Отрывок из стихотворения
Одесская лирика
Пуст чорт возьмет порыв души к лугу
И дерматовский голубой туман,

Да что я — краб, ракушка иль медуза,
Которой забавляется прибой?
Сквозь толщу книг прорывающаяся муза

Придет, бывало, с четвертью вина,
(И ритмы сразу стали полнокровней,
Здесь техника высокая нужна),

Как ты сердце напоишь,
Как ты мило окружаешь
Все, что было многолетно —
Краски всей земли безмерной.

Перевел с украинского Лев ДЛИГАЧ

Жене
Тихий час передвечерий,
Как ты землю незаметно,

Низко пролетают птицы,
Тышь во всех движеньях сонных,
Тени движутся на склонах,

Перевел с украинского Лев ДЛИГАЧ

Литературная газета

МИР ПОЭТА

Гр. ЛЕВИН

гудит и стелется над всей землей
подоленной поры выключили!

Передо мной! На заступ оборисся
и слушая, и глядя, не удаляясь,

Ведь это сам ты зеленую расзалса,
стеблями распростерся по земле,

над ней ты летаешь тонкой пылью,
плодотворя согретый колосок,

и ты творить с людьми и для людей
над огнями провалыми возводишь!

Книга «Знак весов» (1935 г.) считалась
поворотной в творчестве Рыльского. Она

близка современности нашего поэтического
большого и дорогого поэту. Книга «Знак

весов» только более резко очерчивает
контуры его мыслей и ощущений. Она

окончательно закрепляет путь Рыльского
как советского поэта. Мужественно поро-
ывает Рыльский не о романтике, как

показавало многим, но о пассивным ли-
бованием своими мечтами и пассивным

любованием красотой. За мечту и за красоту
надо драться и в этой борьбе не

Странно читать об этой прекрасной книге
слова проф. Велецкого, что она — лишь

первый шаг Рыльского на новом пути,
который он совершил с первым крупным

достижением советского поэта Рыльского
признается «Марины» — произведение

мертвое, асупионной классической тради-
ции. Убедительное опровержение этого —

многие прекрасные стихи в книге «Знак
весов», особенно стихи о труде, тема

которых является здесь центральной.
Вспомним такое, например, стихотворе-
ние:

Мы по рощам звеним топорами —
И на всякая брита острей,
И ложится дубы перед нами

Оттоп, что ок — та же земля.

Сборник «Лето» (1936 г.) одновременно
— это всего проделанного пути и в то же

время открытый семафор в дальнейший
путь. Когда читаешь этот сборник, то сти-
хотворение «Лодка», написанное Рыль-
ским в 1924 г. (сборник «Связь бурю и

снег»), кажется символическим. Оно зву-
чит прологом к новой книге Рыльского.

Часто думаю, — говорит одессит Рыль-
ский, — что поэт вылез, что он засох,

смотревшая к жизни, вытывает впечат-
ления, выстывает силу.

Живе серед химерных дивляков,
Дивчат, войк, царя и бунтаря,

И все, по снами и веснами ролейте,
опрыснуть у пылинке творче лито.

Таким «пыльным творческим летом» я
являлся книга Рыльского.

Распрострился ли Рыльский по своим
миром? Остался ли он совсем нетеропли-
вым созерцателем? Перестал ли он быть меч-
тателем и живописцем? Нет. Да это и не
нужно было.

Мы унаем в книге «Лето» прежде
всего старое Рыльского — мастера краси-
вого живописца, скульптора, старое Рыль-
ского, влюбленного в природу и способ-
ного замечать в ней то, что незаметно
простому глазу. Но в то же время это и

стихи нового качества.

Свидетельство тому — первое же сти-
хотворение сборника «Межуарная страна».
В этом стихотворении поэт вспоми-
нает свой приход в родное село. Удиви-
тельно свежо описывает он родную при-
роду. Гроза еще не застала, но все уже
дышит по-новому:

Ще чорнила хмаря на вхлдох, —
А на чорному, густому тлі

Вліт групі в млясті проколді

Палих дихом шепрл землі

Родное село с его ежедневными работами
и невзгодами входит в поэтический мир
Рыльского. Он встречает земляков,
авнодит с ними разговор, — и таместь,
жужжит ярий веселый пейзаж:

Солов'ї погнали. Сонце вмерло...
— З братом, брат сварило за нади,

Та я рибуну сокирою...

Эти страстные воспоминания прихлдох
сейчас в голову поэту, когда он встречает
козую весну. Тот же свежий, пробужден-
ный украинский пейзаж, но ничто уже
не омрачает его. И сам собой возникает
у него вывод:

О, який щасливий, хто дожив
До нового дніту, до буняна!

Сін нових і нерозможних нив!

Рыльский валорист полным голосом о
Советской Украине, сохранив все своеоб-
разие и силу своего мастерства. Он снова
обрел свой поэтический мир, но этот мир

был не в мечте, а в яви. Не для себя
выписывая он теперь живописные свои

картинки, — все стали вслушиваться в
свист соловьев и шорохи трав, и гармония
природы стала звучать гармонией новой

жизни. Так снова природу для поэта
раскрылся новый мир, в котором люди и

природа сливаются воедино, плывут друг
другу. Природа, покорная и завоеванная
«современным человеком», — действитель-
ная жизнь.

Такое стихотворение «Сказка». Стихо-
творение философское ставит вопрос об
ограничении человеческого познания. Для
ребенка, говорится в нем, мир кончается
за соседним забором. Но далее начинае-
тся сказка. Для дикаря мир ограничивается

горой или лесом, в которых он живет, —
далее начинается сказка. Мореплаватели,
первые переокривший мир, расширяли пред-
ставление о мире, но для большинства лю-
дей оно еще осталось сказочным. Наши

стратонавты, моряки и летчики неизмери-
мо расширяли представление человека, и
далее начинается наша сказка, — сказка,
превращенная в жизнь.

Сборник «Лето» — настоящая, большая
поэзия, поэзия, приобретающая широкое
звучание. Подлинно народные стихи:

также стихотворения, как «Песня о Стал-
лине», «Моя отчизна», «Журавли».

Путь Рыльского — от первой книги «На
белых островах», изданной им в 15-лет-

нем возрасте — книги ученической, до
совершенно зрелых стихов, последствие ли-
риды, — путь непрерывного развития,

создания поэзии нового качества, поэзии,
созданной арелой и мастерской. Весь этот
путь совершил Рыльский через свой осо-
бый творческий мир, основанный на лю-
бомом восприятии лучших традиций клас-
сического искусства. Поэт огромной куль-
туры, Рыльский сделал очень много для

того, чтобы донести до украинского народа
лучшие произведения европейской поэзии.
Его переводы «Пана Галеуши» Мишкевича,
«Орлеанской девы» Вольтера,

стихотворения Стефана Маларме, Шарля
Ван-Лербера, Анри де Ренья, Теофиля
Готье, Поля Верлена, стихотворения и

поэм Пушкина и других русских поэтов,
а также произведений национальных ли-
тератур Советского Союза — высшее дости-
жение переводческого искусства украин-
ской поэзии за все время ее существова-
ния.

Творчество Рыльского за последние
годы, обогащенное силой и духом народа,
приобретает особую крепость и зрелость.
Рыльский пишет густые и крепкие, как
бы настоящие на меду, стихи.

Янтар і мед густого листопаду,
Тяжка зорва золоті і віскі,

І крик гусей, і серця ніжний стжок,
І голубинь олощеного сажу.

Путь Рыльского к явию, пахнувшей
живью поэзией был плодотворен револю-
цией. Поэтому автобиографически слова

Рыльского:

Ляшь сонце Жовтяя вигрло тобі
Янтар і мед густого листопаду.

Салих БАТАЛ

ТАТАРСТАН

Лезат поля посевов опаляеныйх.
Скуная глина. Скюдость. Пыль и прах

Бездьяк спешит на горький труд бел-
рашский.

Он до зимы здесь будет спину гнуть
Взрестать следы подков котей казаких,

Пройдут дожди, батрак уйдет далече
За черепным хлебом с горем пополам,

А годы сядут бабному на плечи,

Заплатами спора их оседают.

Страна в слезах. Страна в сетях об-
мана.

Крестьяне в рабстве, нищи и голы.
Народ придают тяжесть корана,

Могу Таратарстан! Сегодня на былое
Со сталинской вершины оглянешь.

Увидишь, как терзало время злое
Твоей желанья, чаянья и жизни.

Мечталем я с детства рос,
И знал полет видений эвоних.

Порой, принав к полудне грею,
Дремал, как бы качаясь в зыбке,

И радость в рый дум ловил,

Сидел и до сих пор слежу
Неспящий путь звезды далекой,

Хотел сиять с жизни паранажу,
Взглянуть в лицо ей, светлоокой,

Хотел высоких чистых дел
И вот (кто не мечтал об этом?)

Завидный я избрал удел —
Стать родины своей поэтом.

Хотел бродить в горах, полях,
Всего хотел я: дружбы, славы,

И на небесных кораблях
И на морских хотел поплавать.

Как полнится река в пути,

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Из-под угла — одеяла голубого —
Солнце высунуло голову едва;

Соревнуясь с ним дочка рыболова,
Тянет невод и поет о жизни новой,

за работой засучив рукава.

Старый Каспий. Ты грозилась пастью
злюю,

Но она твоей угрозы не поинет:
У нее в глазах бесстрашие стальное.

Не бужишь же одичало воююю,
Слушай песню, что красавица поет:

«Друг уехал в даль морскую,
Я ж, трупясь на берегу,

Радость и любовь большую
В сердце берегу.

Волны буйны, волны седы,
Скоро друг вернется к нам,

Он услышит про победы
Моего зvena.

Улыбнется ясным взглядом
Друг любящий мой,

Скоро, скоро будет рядом
Мой лавозер-герой».

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Что поет, стеля на желтый гравий сеть,
усмириться:

Хотел ты жить свободным от аллама,
Сил не жалел, боролся и спортал

Глядел в глаза ты гибели, без страды,
Как выливший смертельный ад Сограла

Но ты не умер. Братскими руками
Ты поднят к жизни. И в тебе теплеть

«Горит такое творческое пламя,
Как и во всех углах СССР»

И я горжусь тобой, моя отчизна,
И радость потому так широка,

Что чувствуют себя владыкой жизни
Все от младенца и до старика.

Встречают нас ребята смелым взором,
И если спросите — кто ваш отец?

Они —
— Бетонщик!
— Летчик!
— Углекон!
— Повея!

Парит труда всевидящее око,
Оно вьсеяет радость и бодрит,

Под ним не опята больше лежбекам,
В его лучах огорел старый быт.

Страна моя! Добром ты изобилана,
Тебе, мой край, удел счастливый дан!

Перед тобою все враги бессильны,
Мой Красный Татарстан!

Перевел М. ПРАТУСЕВИЧ.

Ахмед ЕРИКЕЕВ

ЖЕЛАНИЕ

Мечталем я с детства рос,
И знал полет видений эвоних.

Порой, принав к полудне грею,
Дремал, как бы качаясь в зыбке,

И радость в рый дум ловил,

Сидел и до сих пор слежу
Неспящий путь звезды далекой,

Хотел сиять с жизни паранажу,
Взглянуть в лицо ей, светлоокой,

Хотел высоких чистых дел
И вот (кто не мечтал об этом?)

Завидный я избрал удел —
Стать родины своей поэтом.

Хотел бродить в горах, полях,
Всего хотел я: дружбы, славы,

И на небесных кораблях
И на морских хотел поплавать.

Как полнится река в пути,

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Из-под угла — одеяла голубого —
Солнце высунуло голову едва;

Соревнуясь с ним дочка рыболова,
Тянет невод и поет о жизни новой,

за работой засучив рукава.

Старый Каспий. Ты грозилась пастью
злюю,

Но она твоей угрозы не поинет:
У нее в глазах бесстрашие стальное.

Не бужишь же одичало воююю,
Слушай песню, что красавица поет:

«Друг уехал в даль морскую,
Я ж, трупясь на берегу,

Радость и любовь большую
В сердце берегу.

Волны буйны, волны седы,
Скоро друг вернется к нам,

Он услышит про победы
Моего зvena.

Улыбнется ясным взглядом
Друг любящий мой,

Скоро, скоро будет рядом
Мой лавозер-герой».

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Что поет, стеля на желтый гравий сеть,

Поревел А. МИНИХ

Так нет предела для хотений, —
Все выше, выше им нити

По светлой лестнице свершения.

Что ж? Наши грезы не тлетя,
Мои желанья все сбываются,

Одна лишь тайная мечта
Звездой меркает в дальней выси:

Хотел бы я притти к тому,
Кто дал простор стремленьям чистым,

И руку теплую ему
Показать и встретить воор лучистым.

Хотел бы сердце в Кремль принести,
Побыть там несколько мгновений,

Хотел бы Сталину прочесть
Татарское стихотворение.

В ответ кто улыбулся он,
Сказал мне ласковое слово...

Мне кажется: средь всех времен
Нет мига радостней такого.

Перевел В. ЗВЯГИНЦЕВА

М. ДЖАЛИЛЬ

Песня девушки-рыбачки

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Из-под угла — одеяла голубого —
Солнце высунуло голову едва;

Соревнуясь с ним дочка рыболова,
Тянет невод и поет о жизни новой,

за работой засучив рукава.

Старый Каспий. Ты грозилась пастью
злюю,

Но она твоей угрозы не поинет:
У нее в глазах бесстрашие стальное.

Не бужишь же одичало воююю,
Слушай песню, что красавица поет:

«Друг уехал в даль морскую,
Я ж, трупясь на берегу,

Радость и любовь большую
В сердце берегу.

Волны буйны, волны седы,
Скоро друг вернется к нам,

Он услышит про победы
Моего зvena.

Улыбнется ясным взглядом
Друг любящий мой,

Скоро, скоро будет рядом
Мой лавозер-герой».

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я, —
Привлекла меня рыбка молодая,

Что поет, стеля на желтый гравий сеть,

Поревел А. МИНИХ

Губы пенины он вытискал хитро,
Чтобы рыбачкой, как добычей,

Уходи, Тебя рыбка не боится.

Уходи! и нашей девушки не тронь,
И рассерженные волны равным строем

Каспий вдали уволит к лодкам рыболов.

Он беснуется, плываю молну рок...
Укроглись! И не грозят плываю-героям!

Им с тобою будет справится легко.

«Понапрасну Каспий злится,
Мой ударили-рыболов,

Мой любовный, не боится
Бешеных валов,

В заводь тихую побережья
Скоро друг вернется к нам,

Будет лодка рыбой свежей
До края поляна,

Друг вернется издаалею,
Будет у него в зрачках

Теплящая тоска по встрече,
Жаркая тоска,

Каспий волны на песок прибрежный
рушит,

Лодка с милым не вернулась до сих
пор.

Легкий ветер что-то шепчет в уши,
Друга ждет рыбачко, неводит в суши,

И кидает песнь в клочкоуший простор.

Укроглись, волна каспийская, седая,
Ты мешаешь мне и слушать и смотреть.

Старый Каспий, не к тебе пришел
суда я,

Речь депутата Ф. С. Пестрака

Товарищи депутаты! С этой почетной трибуны мы восторженно приветствуем вас, весь необъятный мир, живящий миллионами людей, их борьба, их труд, их чаяния и надежды.

К голосам выступающих с этой трибуны прислушивается мир, с радостью прислушивается наша дружба, внимательно прислушивается и наши враги. Сознание этого наполняет мое сердце чувством безграничной радости и великой ответственности перед своим народом, перед своей родиной. Великая радость человека, вышедшего на арену, солнечные просторы из сумрачной и злобешней тюрьмы, которой бы-

Ф. С. ПЕСТРАК

ла панская, шляхетская Польша, великое чувство ответственности депутата — служу своему народу, освобожденному, счастливого, радостно вошедшего в сталинскую дружную семью народов великого Советского Союза.

С этой трибуны говорят только правду. А как тяжело было нам, бывшим повстанцам панской Польши, не только говорить, но даже заниматься о праве в бывшей Речи Посполитой! Как боялись правды все эти кичливые и самодурные славяно-славистские, фанатические рыцари, кровавые разбойники, наемные беки и вся прочая свора, терзавшая на протяжении более чем 20 лет живое тело нашего народа, захватывая праймы, кровавыми лапами в его душу, посягая на его духовное богатство.

За слово правды вешали, душили лучших сынов народа, томили в казематах, обречали на мучительную, мучительную смерть в застенках Карцус-Берези. Трудившиеся украинские, белорусские, еврейские обречали на самое обыкновенное физическое вымирание, подвергали пещоловеческой эксплуатации, бесприморно папиальному гнету, полицией-жандармерскому насилию и произволу. Разве в интересах польских палов, польских помещиков и фабрикантов было думать об улучшении жизни трудившихся белорусов, украинцев и евреев? В наших городах угасала промышленность, в наших деревнях росла ужасная нищета. Голод, болезни гнали десятки и сотни тысяч трудившихся в поисках призрачного куска хлеба в далекую Америку, Аргентину, в другие страны. Белорусское слово, родной язык народа были объявлены, по существу, вне закона. Последние белорусские школы были разгромлены, народную песню хотели запретить в казематах, одеть на нее кандалы.

Трудно передать, товарищи, весь тот тяжелый кошмар, в котором жила западно-белорусская деревня. Безземелье, голод, отсутствие заработка, насильственное ополчительство, жандармский клуп, кровавые усмирнения, погромы, налоги, штрафы без конца и края — как тяжело и беспроборно была жизнь! Сколько живых завешивать над человеческим достоинством, сколько унижений было пережито нашим народом! Но трудившиеся не сдавались. День за днем вели они тяжелую первичную борьбу за право жить, трудиться, за право называться людьми. В этой упорной борьбе их вдохновляли, давали им силы и уверенность в окончательной победе те гитлеровские успехи великой советской работы, которая производилась братьями народами Советского Союза. Сюда, на Восток, были обращены наши взоры. К нам, за коллуную проволочку рубежей, за решетку польских тюрем, прилетали возмужавшие слова с этой высокой трибуны. Мы не теряли надежды, что придет день нашего окончательного освобождения, что помогут нам наши египетские братья, выведут нас из польской тюрьмы. И наши надежды сбылись.

Вместе с вами, вместе со всеми народами нашей великой родины мы строим сейчас свободную жизнь. И я, посланец своего народа, приношу вам еще раз горячую благодарность наших трудившихся за счастье, за мир, за радостный творческий труд, за все то, что принесла нам на своих победных знаменах героическая Красная Армия, посланная нам волей советского народа, волей его мудрого правительства, волей великого Сталина. (Бурные аплодисменты).

Мы слушали с этой трибуны доклад Вячеслава Михайловича Молотова, явившийся воплощением мудрой внешней политики, сталинской политики мира, развивающей коварные махинации политикателей войны, дающей им огор, утверждающей и охраняющей мир, справедливо уважающей интересы малых народов. Мы, представители западных областей Белоруссии, особо ценим эту политику: ведь в результате практического ее осуществле-

Издательство «Радянский письменник»

КНИЖ. (От наш. корр.). При союзе писателей Украины создано издательство «Радянский письменник» («Советский писатель»). Новое издательство уже выпустило свыше десяти книг украинских советских писателей. Среди вышедших книг две — «Правда» и «Богдан Хмельницкий» Александра Корнейчука, одомонички избранных стихотворений Павла Тычины, Миколы Ваiana, Максима Рыльского, Владимира Соколы, Андрея Малышка, прозаические произведения — «Ветераны» Юрия Юнгоско, «Олександр Пархоменко» Петра Пацка, «Вибрані поезди» Иваня

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужащая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

«Трое против города»

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

«А все-таки идет город, который не только город улиц Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой, есть еще Воля и Повеисье. Маринотт, Еста, Тартувек и Охота, где меня ждут. Еще бьются сердца иные, чем на улицах Хмельной и Золотой, еще слышатся шаги иные, чем по Злода и Маршалковской. Еще полыхает над городом пенья, крылатым вихрем помянчит от Воли, Охоты, Праги, и не будет там моего голоса. Еще заремят шаги — от Повеисья, Тартувек, Маринотта. Но я уже не буду маршировать с вами.

«В день труда, в день пробуждения пути в твердой скале, в день постройки, биринт за биринот, великого здания, которого уже не буду строить. — вспоминайте обо мне, товарищи!»

«В день битвы, в день победы, в день развивающегося замена пусть будет дано мне, чтоб над толпами звучала также и песня о Генке с Воли.

«Отныне свои двадцать три года и свое булное сердце за Волю, Маринот, Охоту, за город-козель, город, вырвавшийся меня в низкую комнатушку, в тяжелых днях, в труде простых людей.

«За вас, знатных и неизвестных с Повеисья, Тартувек, Праги, отдаю свои жизни. Легче идти на смерть, если знаешь:

«Сирот память обо мне тусклые коммунашки. Будет ходить раская за улицам, из угост в уста будут повторяться события моего последнего дня, когда я все бросил на карту и проиграл.

«Вот дорога смерти, я еду по ней, и ни за одним углом улицы не ждет зеленая, радостная свобода, ни за одним углом не жлет меня спящие. Изменил мне город — моя колыбель, выдала меня улицы, выдала мостовые, звавшие меня еще ребенком.

«Но вы мне не измените, не забудете меня, товарищи!

«Тихим ветером, где-то далеко, в зеленки деревьев пусть отключится песня о Генке с Воли. Пусть поплывет к авеналу небу, в даль, выходящую заревом заката, к ранней серебряной росе, которую я некогда больше не увижу.

Тресеся такои, открываются на мгновение глаза и смотрят в белое от зноя небо. Мунтится и расплывается все. Бессилие сповало тело, но чувствую и знаю все. Болит рука и чуть пронизывает бок. Там астралит пули. Но перед глазами досаду — а знаешь, что все погбило, что уже не побишьши по улицам, что со всем кончилось.

Отходит куда-то боль, блестя голубое небо, и выплывает мечта, пленяет угасленную голову. Мирек видит все так ясно, что улыбка набогат на губы.

Вот день Злодот, пурпуром горит день. Буинко вихрем бьет в небо день. Буинко бьются сердца.

Только его сердце давно перестало биться. От него уже нет ни следа. От всей его любви и нежности, от всех трудов в боев.

Но пад тобою львет песня. И в этой песне Мирек слышит зхо его шагов, в ней ритм его сердца, и горит его глаза и несется о ветром его любовь и нежность. И он тоже стоит на страже возле знамени, а широкие крылья знамени развевает ветер.

Ясные глаза широко открыты и смотрят прямо в небо. Бессознательная улыбка расцветает на потрескавшихся губах.

«Так. Именно так — хорошо. Но плачу и не жалуюсь, и без страха иду на смерть. Не пытайтесь и не изменю никому даже в тот миг, когда направленные в меня дула скажут мне о последней минуте. Мужественно сумев умереть, как мужественно служил вам всем и городу, моей колыбели, выдавшему меня сегодня в руки врагов.

«И одного только хочу — за все тяжкие дни, за все мое боровье и за этот страшный бег по улицам города, который уже кончился, и за мой вылетать три года, — когда меня уже не будет, когда перестанут биться сердца, когда погаснут глаза, спойте вы мне, товарищи, песенку о Генке с Воли».

С польской рукописи перевод Ю. Ш.

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

Теперь проше и легче всего было бы поднять руку с революционером — к счастью, есть еще патриоты — и последние пули пустить себе в висок. Или в рот, — это еще лучше.

Но нельзя. Нельзя позволить себе такое бегство. Нужно пережить до конца. Ведь так легко, так выгодно было бы им написать: два дня ватки, окруженные постоем долой, покончили жизнь самоубийством.

И все. Конеч. Точка.

Нет, нужно остаться. Нужно жить, чтобы засвидетельствовать истину. Пусть знает те, кто бегал со мной по развешенным улицам города, за кем они гнались! Пусть знают стрелявшие в них, в кого именно они целились, кого настали их пули! И те, мимо кого они пробегали, кто выглядывал из окон, из витрин магазинов, — пусть знают!

Нужно исполнить все до конца.

Торжественно, душный город, город, бедный от жары, враждебный город, — вот закончился смертельный бег. Заключенные же своей победой, город жестокий, слепой и глухой, — город, который снова будит кровью!

Отшумело, ахтихло... Там снова деловито течет жизнь по обычному руслу — по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой. Там люди уже вернулись к своим будущим делам. Кроме тех, кого поглотил водоворот, кто поток событий увлек за собою, на ком кровью положено печатать это клякское утро.

Вернется, двинется, грочитесь, типографские машины! Темней от черной краски, белая бумага гасет! Подождите, ребята, сейчас будет экстренный выпуск, бегите в город с криком!

В черную типографскую краску превратится кровь, лившаяся по улицам Злода, Хмельной, Маршалковской и Железной. Словами станут смертельный бег и пот. В заметку, статью, упоминающая перепадет жук и отчаяние. Жирным шрифтом выгнет из столбов смерть, уже неопасная и некрозная.

Так оборвется цепь, скрывающая сегодня людей, до сих пор не знавших друг о друге, не встречающихся никогда.

Какими огромными кажутся люди, если смотреть на них снизу, если вынужены их от сплоск: голыми торчат шеи, висят ноги, куда трудно подняться взгляду от земли.

В дуплом отверстии — золотой, горячий, белый день. А вокруг темно: мрак и холод. Острыми гранями врезывается в наболевшее тело глубина утра. День, рассматривающий в дверь, кажется теперь сбросившим, лунным: холод, погреб сработав с него душную жару полудня.

И между днем и Уном, лежащим на глыбе жуть, вдруг выросли синеватые ядлер, темной стеной перегородили ясный прямоулыный двор и неумолимо загорлали занюжки.

Зачинят смертельный бег. Теперь уже с трех сторон стены — не защита, а нападения. А с четвертой — усталые, захлывающиеся, разъяренные люди.

И еще колесо. Оно словно в оттрапном огне ата. И еще рука. Она беззастенчиво висит, как трыпка.

Нет сил подняться с черных глыб. Нет сил даже, чтобы слегка приподнять тяжелую голову. Еще раз возвращаешься упрямая, настойчивая, жужающая жажда.

Медленно, медленно поднимается рука — левая — вверх. Как знак, что он знает, понимает: это — конец.

Словно перед глазами утопающего, прохлдит перед ним все живое. Стрелится лица отца и матери и лицо сестры Бронки. Время войны и одиночества лет солдатской службы, закончившейся этим ураганом выстрелов, этим боем, смертельной онойкой, борьбой со всем городом.

Трудно пошевелить руками. Трудно поднять ее вверх. Выпадает из пальцев револьвер, неуверенный уже и ни к чему неспособный. Люди, темной стеной перегородившие светлый прямоугольный двор, Телой повести послужила героическая гибель трех польских революционеров: Киевского, Гибнера и Рутковского, убивших провокатора.

«А все-таки идет город, который не только город улиц Злода, Хмельной, Маршалковской и Золотой, есть еще Воля и Повеисье. Маринотт, Еста, Тартувек и Охота, где меня ждут. Еще бьются сердца иные, чем на улицах Хмельной и Золотой, еще слышатся шаги иные, чем по Злода и Маршалковской. Еще полыхает над городом пенья, крылатым вихрем помянчит от Воли, Охоты, Праги, и не будет там моего голоса. Еще заремят шаги — от Повеисья, Тартувек, Маринотта. Но я уже не буду маршировать с вами.

«В день труда, в день пробуждения пути в твердой скале, в день постройки, биринт за биринот, великого здания, которого уже не буду строить. — вспоминайте обо мне, товарищи!»

«В день битвы, в день победы, в день развивающегося замена пусть будет дано мне, чтоб над толпами звучала также и песня о Генке с Воли.

«Отныне свои двадцать три года и свое булное сердце за Волю, Маринот, Охоту, за город-козель, город, вырвавшийся меня в низкую комнатушку, в тяжелых днях, в труде простых людей.

«За вас, знатных и неизвестных с Повеисья, Тартувек, Праги, отдаю свои жизни. Легче идти на смерть, если знаешь:

«Сирот память обо мне тусклые коммунашки. Будет ходить раская за улицам, из угост в уста будут повторяться события моего последнего дня, когда я все бросил на карту и проиграл.

«Вот дорога смерти, я еду по ней, и ни за одним углом улицы не ждет зеленая, радостная свобода, ни за одним углом не жлет меня спящие. Изменил мне город — моя колыбель, выдала меня улицы, выдала мостовые, звавшие меня еще ребенком.

«Но вы мне не измените, не забудете меня, товарищи!

«Тихим ветером, где-то далеко, в зеленки деревьев пусть отключится песня о Генке с Воли. Пусть поплывет к авеналу небу, в даль, выходящую заревом заката, к ранней серебряной росе, которую я некогда больше не увижу.

Тресеся такои, открываются на мгновение глаза и смотрят в белое от зноя небо. Мунтится и расплывается все. Бессилие сповало тело, но чувствую и знаю все. Болит рука и чуть пронизывает бок. Там астралит пули. Но перед глазами досаду — а знаешь, что все погбило, что уже не побишьши по улицам, что со всем кончилось.

Отходит куда-то боль, блестя голубое небо, и выплывает мечта, пленяет угасленную голову. Мирек видит все так ясно, что улыбка набогат на губы.

Вот день Злодот, пурпуром горит день. Буинко вихрем бьет в небо день. Буинко бьются сердца.

Только его сердце давно перестало биться. От него уже нет ни следа. От всей его любви и нежности, от всех трудов в боев.

Но пад тобою львет песня. И в этой песне Мирек слышит зхо его шагов, в ней ритм его сердца, и горит его глаза и несется о ветром его любовь и нежность. И он тоже стоит на страже возле знамени, а широкие крылья знамени развевает ветер.

Ясные глаза широко открыты и смотрят прямо в небо. Бессознательная улыбка расцветает на потрескавшихся губах.

«Так. Именно так — хорошо. Но плачу и не жалуюсь, и без страха иду на смерть. Не пытайтесь и не изменю никому даже в тот миг, когда направленные в меня дула скажут мне о последней минуте. Мужественно сумев умереть, как мужественно служил вам всем и городу, моей колыбели, выдавшему меня сегодня в руки врагов.

«И одного только хочу — за все тяжкие дни, за все мое боровье и за этот страшный бег по улицам города, который уже кончился, и за мой вылетать три года, — когда меня уже не будет, когда перестанут биться сердца, когда погаснут глаза, спойте вы

Маяковский и Пушкин

СТАЛИНАБАД

БАГДАДИ

Во всех районах, городах и селах Грузии широко развернулась подготовка к десятилетию со дня смерти великого поэта советской эпохи В. Маяковского, рожденного в Грузии и всей своей биографией и творчеством тесно связанного с жизнью и культурой грузинского народа.

С особым воодушевлением готовятся к этому юбилею рабочие, колхозники и интеллигенция Багдади, где родился и провел первые годы своей жизни В. Маяковский. Труженицы Багдади бережно и любовно хранят память о поэте. Здесь установлен памятник поэту; передовой колхоз, районный Дом культуры, средняя школа, главная улица Багдади носят имя Маяковского.

28 марта в Багдади состоялось торжественное собрание актива рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции района, посвященное предстоящему десятилетию со дня смерти великого поэта. В собрании приняли участие секретарь ЦК КП(б) Грузии пропагандист Т. И. Тавадзе, поэты А. Машавиани, И. Мосашвили, С. Чиковани, С. Зули, К. Каладзе, М. Патаридзе, Г. Абидзе, Г. Тиселли.

Открыл собрание секретарь Багдадского района ЦК КП(б) Грузии т. Ш. Мацурадзе. Доклад о жизни и творчестве великого поэта революции сделал критик В. Игити. С речами о Маяковском выступили поэты Азиз Машавиани и Симон Чиковани. Воспоминаниями о юбилейных годах Маяковского поделились с собравшимися багдадские колхозники И. Давидиаз, С. Свадидзе, О. Кухуидзе.

С чтением переводов стихов Маяковского на грузинский язык, а также стихотворений, посвященных поэту, выступили М. Патаридзе, С. Зули, С. Чиковани, А. Машавиани, И. Мосашвили, К. Каладзе, Г. Абидзе, Г. Тиселли и отличники учебной багдадской средней школы Н. Голадзе и К. Мелашвили.

11 апреля союз писателей Украины устраивает большой общегородской вечер памяти В. В. Маяковского. Вечер откроется выступлением словесного председателя республиканского юбилейного комитета поэта Николая Вадана. Доклад о творческом пути Маяковского прочтет критик Е. Адедгейм.

Библиотека Украинской академии наук подготовила к вечеру выставку, посвященную Маяковскому.

В юбилейный день Государственное литературное издательство Украины выпускает книгу Т. Ноботова о жизни и творчестве поэта Маяковского и его творчестве в годы революций.

Издательство детской литературы Украины выпускает поэму «Владимир Ильич Ленин» на украинском языке, а также одноименный произведений поэта для детей младшего возраста.

В издательстве «Молодой большевик» выходит «Избранная лирика» Маяковского. В Нахичеване — одноименный произведений поэта на армянском и польском языках. Постановлением юбилейного республиканского комитета решено в ближайшее время организовать в Киев выставку детского творчества, посвященную Маяковскому.

Первое вступление к поэме «Во весь голос» и найденные в черновиках наброски второго часто приводятся критиками в доказательство того, что только в конце жизни Маяковский близко подошел к традициям русской классической поэзии, к Пушкину. По мнению этих исследователей, обаяние Маяковского с классикой выразилось в нескольких строках из «Во весь голос», написанных ямбом.

Поэт Н. Тихонов так и говорит: «Вторая строфа, сохраняющая типичную гиперболичность прежнего Маяковского, вся полна этой неестественной, выродившейся уже образностью: «поезда, движущие руки поэзии», в то время как первая строфа — из тех громоподобных строф, которые приближаются к величественным каноническим ямбам Лермонтова и Пушкина». (Из речи на I съезде писателей).

Как видите, все сближение произошло на языке ямба, да еще канонического! Что касается образности Маяковского, она, как видите, выродилась и недействительна.

В погоне за метрическими параллелями забывается главное, что рождает весь поэтический вид произведения — поэтическое мышление.

Недоразумение с ямбом у Маяковского устраняется просто. Вступление к «Во весь голос» было задумано и выполнено как перекличка и спор с горчаковским, пушкинским и другими «Памятниками»: крепче медь себе создал я памятник... (Горачани).

Я памятник себе воздвиг нерукотворный... (Пушкин).

...пуская нам общим памятником будет постронный в боях социальном... (Маяковский).

Ритм стиха у Маяковского всегда служит одной цели: вызвать немедленную ассоциацию с темой строки. Там, где состояние поэта (тема) самостоятельно, создается новый размер, который есть ритмическая кривая данного состояния. Там, где состояние поэта может быть адресовано и к другому литературному явлению, Маяковский почти пародирует. Так, отрывок о Керенском в «Хорошо!» пародирует «Воздушного корабля» Лермонтова. Когда речь идет о мудреватых Курдрейках, т. е. о «сплошности рафинированной и ерунде чистушек», поэт полуметрирует: «сазидила саник мило, самим ритмом напоминаю я чистушечкой сущности мудреватых и курдреватых».

Ключ к ямбу в первом вступлении лежит в строках:
 Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так,—
 не как стрела
 в амурно-ливровой охоте...
 Относительно второго стиха и только напомним пушкинское «рифмное оперо» (строка — стрела), первый же стих, по замыслу Маяковского, должен был вызвать в памяти строку из пушкинского «Памятника»:
 Служь обо мне пройдем по всей Руси великой...
 Потемизирова не с Пушкиным, а с ярыми защитниками канонического, со старомодными пушкинскими, Маяковский замешивает на «Памятнике» жест этой строки и, видоизменяя слово «сиродеть» в «дойдет», вводит его в свой монолог как пошлость, на который падает дасть свой, сегодняшний ответ:
 но он дойдет не так...
 и развешать свой ответ дальше:
 как в наши дни
 вошел водопровод...
 как старое,
 но грозное оружие.
 Не будь это написано ямбом, не могла бы возникнуть ассоциация со стихом оппонента. Метр в этой поэме лишь церемониал дилетанта с пушкинскими.

(Я даже ямбом подговоснул,
 чтоб только быть
 приятной вам.)
 («Юбилейное»).

С самим Пушкиным Маяковский говорил на своем поэтическом языке, сближаясь с ним именно этой «выродившейся», по мнению Н. Тихонова, образностью. Именно повышенной реактивностью психики поэта, гиперболикой сердца, создательным воображением, сложной и стройной кристаллизованной метафорой Маяковский сближается с Пушкиным и всем великим, что написано в стихах. «Поэзия, движущие руки поэзии», не более гиперболически, чем:

И тяжело Нева дышала
 Как с битвы прибежавший конь.
 («Медный всадник»).

Маяковский и Пушкин — братья по созидательному воображению, а не по ямбу.

Но, увы (к Тихонову!), чтобы воспринять созданное воображением, нужно воображение.

Между высказыванием Н. Тихонова (1934) и моим сегодняшним ответом (1940) прошло 6 лет, а между «Медным всадником» и «Про это» — 60 лет. Странно, но в моих и тихоновских взглядах на поэзию гораздо меньше общего, чем у разнополых авторов этих поэм. «Медный всадник» написан четырехстопником, а «Про это» многими размерами и перемерами. Но оба поэмы необыкновенно сложны, при этом разные темы, в сходном выражении состояния участника двух трагических происшествий. Стихи должны читаться при жизни биографии поэта. Пушкин в дни «Всадника» был мушкетером государственным, скандинавом и предостереженным поэт. Этот первый поэт — «общества» и есть тема «Всадника». Тема же поэмы «Про это», состояние Маяковского в дни ее создания — абсолютно противоположно пушкинскому. Маяковский сам был провозвестником и аполотом нового общества, за которое боролся своим творчеством. Тема Маяковского в «Про это» — личная трагедия, спасение от которой он находит в новых человеческих отношениях, в коммунизме, в борьбе со всем, что в нас ушедшим рабым битом. «Мелочи, раздвинувшие сердце, в переводе на поэтический язык, — это пережитки капиталистического века в сознании, чувствах и личном быте. С этим вступил Маяковский в грандиозный и опасный поединок.

Такие вещи, как «Про это», служат поэту для переноса тяжести трагедии и ее разьяки с физического себя на себя поэтического. Анализ при световом образе свое состояние, подтверждая себя в каждой строчке пыткой, болельщиком, чем страдания, возможные науки, поэт даже убивает себя в поэме, и, в сущности, благодаря этому выживает и спасает себя физически. Замысел поэмы «Про это» мог стать помертвевшим, если бы она не была написана. Думаю, что не раздалась бы и выстрел 14 апреля, если бы была написана поэма, строчкой которой вопли в последнее письмо. Такие вещи, как «Про это», долго и надежно служат для многих людей лекарством от подобных состояний.

Несмотря на разность тем и состояний, выражение трагического у Пушкина и у Маяковского чрезвычайно сходно. Я не пишу соваданий стихотворных приемов в двух поэмах, не привожу примеров «учебы» Маяковского у классика. У двух разных поэтов — один образ несчастья, затопляющего человека, и один образ личности, заступившей внутренней тревогой и одиночеством. Причина схожего воображения этих видений лежит в едином понимании двумя великанами существа поэзии, в знании силы слов и законов поэтических построения.

Гипербола Пушкина: «Нева металась как больная в своей постеле бесконечной» начинается соприкасаться с гиперболой Маяковского в главе «Протекшая комната». Кровь, в которой лежит человек, превращается в реку, в Неву. Дальше и у Пушкина и у Маяковского разрешение темы несчастья как наводнения, одиночества среди затопляющей все воды. У Маяковского — «Размыло все», у Пушкина — «све вокруг влут опустелое». Пушкин: «Вкруг него вода и больше ничего», Маяковский: «Откуда вода? Почему много?» «Под столом, за шкафом вода».

«Про это» — поэма превращений. Герой поэмы то медведь, то комсомолец, то старик на Монмартре, то двойник на мосту, но всегда — Маяковский. Постель превращается в реку, река превращается в Лобландию, и вдруг — не «странный постельная треплетесь плеском», а «впереди — Тверской простыня». Превращается Невы в «Медном всаднике» так же необыкновенно сменяют одно другое. Сначала это Невы, широкая река. Затем она превращается в зверя, кинувшегося на город. Во второй части Невы — свирепая вышка разбойников, через несколько строк Невы — тяжело дышащий конь, а дальше она бьет, как о гладкие ступени, как «целобитчик у дверей ему не внимающих судей».

В строде эти изменяющихся образов есть общность подхода к раскрытию поэтической темы. Замечательно, что единственная прямая реминисценция из Пушкина относится к стихотворению «Узник»:

Туда, где гулет лишь ветер да я.
 В «Про это»: Было вот так же — ветер да я.
 Появление этой строки указывает на возникшую ассоциацию со сходным состоянием другого поэта. Эта ассоциация тесно связана с воспоминанием при виде реки:
 Эта река...
 Не эта, иная.
 Нет, не иная! Было — стоял.
 Было — бегало. Теперь вспоминаю,
 беспомощно приводит нас к другому человеку, стоящему посреди бегущей Невы:
 И он как будто околдован,
 Как будто к мрамору прикован,
 Сойти не может! Вкруг него вода и больше ничего!
 Бег реки приводит Маяковского к образу его двойника, прикованного к мосту: Прости, Невы!
 Не прощает,
 гонит.
 Сжалась! Не сжалится бешеный бег.
 Он! Он — у небес в воспанном фоне прикрученной мною, стоит человек.
 В болонском автографе «Медного всадника» было:
 И он как будто околдован,
 Как будто силой алоу скован
 Недвижно к месту одному —
 И нет возможности ему
 Перелететь! Гроза прилет,
 Мостов уж нет — исчез народ,
 Невы на площади бунтуют...
 В этих местах двух поэм полностью совпадает поэтическое видение. В сущности, Евгений и есть двойник Пушкина, прикованный к мосту одному над Невой. Разница только в том, что двойника своего Маяковский видит внутри поэмы, а Пушкин — извне, как автор. В последнем случае мы имеем дело с приемом перенесения с себя — на героя, то есть двойника автора.
 Совпадения проходят и по деталям. Появление Острова Мертвых и «невнятного перевозчика» — Харона в «Про это» прямо связано с пушкинским перевозчиком, везущим Евгения через страшные волны (Нева — Стикс). Удивительно совпадает поведение двойника-комсомольца и Евгения: То сжогит руки, будто молится.
 То машет, будто на митинге речь.
 «Все ходит, ходит он кругом.
 Толкует громко сам с собою».
 Заключительная тема двух трагедий — преследование и расправа — естественно поднимает в двух поэмах как узлы первоначального напряжения. С Евгением расправляются и Невы, и люди. Преследует всадник.
 «Как подымался жалкий вад,
 Ему подошвы подымая,
 Как дождь ему в лицо хлестал,
 Как ветер, буйно завывая,
 С него и шляпу влут, сорвал.
 В «Про это»: «...руками, ветром, нещадно без счета в мочалку щеку истрапали пощечинами.
 В «Медном всаднике»: «...але дети бросали камни влед ему.
 Нередко кучерские плети Его стегали».
 В «Про это»: «...снямали, в лицо швыряли чертачки, швырялись в лицо магазин перчаточные».

В этом месте Маяковский вплотную подходит к пушкинскому и лермонтовскому разьяки. Еще в начале поэмы он намекает: «Что задевает? Стойте Дантисом». В главе «Постороннее прошедшего» само явление и весь текст нам указывают на источник метафоры — поэт, расстреливаемый дуэлянтами. В стихах скавано в лоб от имени преследователя:
 Ты враг наш столетний.
 Оди уж такой попался — гусар!
 Так строил Маяковский поэму «Про это», соприкасаясь со сложной Пушкинским системой выражения образным, поэтическим языком состояния человека. Не копированием ямбических размеров, а олицомлением понимания поведения человека в сходных состояниях, ритмом поэтического волнения, чудесным умением поэтически трансформировать действительный мир Маяковский сближается с Пушкиным.
 «Рождественский ужас» поэмы «Про это» и «свесь прошлый ужас» поэмы «Медный всадник» связаны только общим выражением его, при разных причинах, его вызвавшими. Пушкинская трагедия достаточно известна. Ее причины лежали во внутренней личности Пушкина, преследователем было «общество», и выстрел раздался отсюда. Трагедия же Маяковского бунтовала в нем самом. Он мучительно ощущал неполноценность жизни человека в старом обществе, а в советские годы ждал быть великую жизнь, в страшной схватке с нехватным прошлым. В будущем, в коммунизме, он видел решение и личной проблемы: «Иначе недолюбленное повернется звездными бесчисленными ночами». Ради этого будущего большевик Маяковский отдавал свой талант самым бурным делам, сражался с плетками, подхалимством и бездумием, работал с подлинной деловитостью и революционным размахом, и вот, видите, оказалась необходим коммунизм, как воздух!
 С гиперболикой сердца сосела и гипербола раны. Маяковский уже любил много, а он все еще переполнял силы его не любимых. Маяковский привоз уже чужого нам мира, из-за думившей Пушкина империи тяжелой, преследовавшую его мысль:
 «...какими Гольфами я зачат — такой большой и такой неужный?»
 Эта мысль впоследствии трансформируется в мучительное доказательство своей нужности, необходимости. Со дня революции он уверял: «Я тоже фабрика. А если без труб, то, может, мне без труб труднее». В стихах строк, а то и между строк, разрозными словами: «Я вам нужен!»
 В разговоре с Пушкиным он говорит о поэзии, о том, что является поэзией. Маяковский говорит: «Иногда, «Пролетарские поэты». «А я, по-вашему, что-валитик?... Все, что я сказал, все это вани!»... строки в парижских стихах: «Когда я пойму, что поэзия — труд, что место нужно и время ей», его огромная работа на все руки, наконец восклицание: «Я, ассенизатор и водоноз, революцией мобилизованный и призванный», все это настоящие повторение одной темы: — Я вам нужен!
 Остатки преследователя, выстраивая в «нашем краснофлажном строе», расстреляли большую и большую мысль о «неужности». Подначивали на трагедию криками «спонотатно» или же преступным безразличием.
 Наиболее трагически вопыивает эта рава в «Про это», когда поэт умоляет «арождественных» пойти с ним и спасти стоящего на мосту:
 — Ведь это для всех... для самих...
 Ну, скажем, «Мистерия» — для вас же...
 Поэт там и прочее...
 Не только себе же...
 ведь не личная блажь...
 Врагом поэта в этой главе было безразличие:
 Слушали улыбаясь именитого комсоморока, катали по столу хлебные мякиши...
 «...Странно: слова проходят как воски».
 Недаром безразлично к судьбе и творениям поэта в наши дни было квалифицировано как преступление.
 Двойник Маяковского — его поэзия — снята с моста вниманием и любовью народа к великому значительному поэту нового мира.

М. БОЛОТИН

СИМФОНИЯ ПАМЯТИ МАЯКОВСКОГО

Творчество Владимира Маяковского давно привлекало к себе внимание советских композиторов. Однако можно утверждать, что полного звучания творчество великого поэта в советской музыке еще не получено. До сих пор имели место лишь разрозненные попытки интерпретировать отдельные стилевые черты Маяковского, причем иногда — Маяковского раннего, «футуристического» периода (В. Шербаев, «Четверть, тяжело, как удар»). Редкие же случаи «озвучивания» крупных произведений Маяковского, чаще всего неудачливые («Ленин», Виссарона Шабалина).

Несомненно, что стиль Маяковского накладывает свой отпечаток на многие, самые разнообразные явления советского искусства, в том числе и музыкального. Но отсюда еще далеко до разрешения темы Маяковского в музыке. А она должна быть поставлена. Литературное и общественное явление громадной новаторской силы, творчество Маяковского не может не оплотворить замыслы композиторов, так же как замыслы художников-живописцев, архитекторов или киносценаристов, не говоря уже о поэтах, писателях и драматургах.

В этом свете приобретает большой интерес симфония на тексты Маяковского, написанная ленинградским композитором В. М. Богдановым-Березовским.

Симфония эта использует текст двух поэм Маяковского — «Хорошо!» и «Ленин». Но текст использован далеко не полностью. Композитор, понимая, не ставил себе целью «музыкально иллюстрировать» отдельные места поэмы. Он построил свой собственный «драматургический сценарий» и соответственно этому избрал отдельные куски текста.

Основная тема симфонии — тема революции. Она программно «сформулирована» уже в первой (чисто оркестровой) части, где сопоставлено несколько тем, из которых главенствует первая, вступительная — импульсивная и волевая, служащая выражением революционной энергии. Две другие темы — народного песенного происхождения — указывают на «место действия», характеризуют не пробужденные еще к действию силы русского народа.

Четверть следующие части идут на тексте и на хоре. Скерцо (вторая часть) — это сатирический очерк, музыкальный эпизод о февральской революции.

Нарям дворец построил Растрелли.
 Нарю рождалась, жили,
 Дворец старели.
 Не думал, что в кровати,
 Раскнется какой-то присяжный поверенный.

Скерцо «открывается» этими словами, ноющими лирическим тенором. Партия построена на лирической передаче образа Керенского. Хор выступает в качестве «комментатора» событий.

Третья часть великом ораторially. Сущнейшее значение в ней имеет

годача текста. В драматургическом отношении эта часть — нейтральная. Основной ее служат две музыкальные темы — тема, бесновитыми и «всприями» ритмически передающая движение больших толп, и тема массовой песни. Эта часть, написанная в сольной форме, включает смену штурма Зимнего дворца, описывает октябрьский переворот. Текст смонтирован из разных мест поэмы «Хорошо!» и заключается словами, описывающими появление Ленина, приветствующего пролетарии Петрограда:
 И снова ветер свежий, крепкий валы революции поднял в цене.
 Литерный залики блузы и кеги:

«Ленин с нами! Да здравствует Ленин!»
 Характер четвертой части — суровый, жестоватый, холодный. Речь идет о суботнике, о свободном коллективном труде и обстановке военного коммунизма. Холдному оркестровому колориту противопоставлена напряженно патетическая речь хора:
 Работа трупная, работа томит.
 За нее — никаких копеек.
 Но мы работаем, будто мы делаем величайшую эпопею.
 Мы будем работать, все стерпя, чтоб жизнь,

«Занованная фильмой». В каждом из этих фильмов Владимир Владимирович исполнил главную роль. Помещаемые здесь фото являются частью иллюстрированного материала выходящей в Госкиноиздате книги М. Полановского «Маяковский — киноактер». Снимки воспроизведены с кинокадров автором книги и публикуются впервые. На снимках: В. В. Маяковский в фильмах «Барышня и хулиган» и «Не для денег родившийся» (в кружке).

Его кинопани — лирико-героическое, в соответствии с произносимыми им словами:
 Я с теми, кто вышел строить и место в сплошной лихорадке буден.
 Отечество, славою, которое есть, но трижды — которое будет.
 Я вижу — где сор сегодня гниет, где только земля простая, — на сажень вижу, из-под нее коммуны дома прорастают.
 С большой непосредственностью, строфа за строфой, к колориту присоединяется хор, растет оркестровая звучность, включается в общее звучание орган, и лирическим, светлым по колориту, разностным гимном симфония заканчивается словами:
 И я, как весну человечества рожденную в трудах и в бою,
 пою пале отечество, республику свою!
 Симфония Богданова-Березовского была сыграна на президентском Ленинградском союзе советских композиторов. Присутствовавшие композиторы — П. О. Дунаевский, В. Шербаев, М. Ф. Тиселин, Х. С. Кушнерев и другие, сделав ряд указаний, относились к деталям симфонии, и по окончании симфонии густо героический элемент в третьей части, дали высокую оценку произведению — его шедевр драматургического замысла, его музыкально-тематическому материалу, форме и инструментному.

Его кинопани — лирико-героическое, в соответствии с произносимыми им словами:
 Я с теми, кто вышел строить и место в сплошной лихорадке буден.
 Отечество, славою, которое есть, но трижды — которое будет.
 Я вижу — где сор сегодня гниет, где только земля простая, — на сажень вижу, из-под нее коммуны дома прорастают.
 С большой непосредственностью, строфа за строфой, к колориту присоединяется хор, растет оркестровая звучность, включается в общее звучание орган, и лирическим, светлым по колориту, разностным гимном симфония заканчивается словами:
 И я, как весну человечества рожденную в трудах и в бою,
 пою пале отечество, республику свою!
 Симфония Богданова-Березовского была сыграна на президентском Ленинградском союзе советских композиторов. Присутствовавшие композиторы — П. О. Дунаевский, В. Шербаев, М. Ф. Тиселин, Х. С. Кушнерев и другие, сделав ряд указаний, относились к деталям симфонии, и по окончании симфонии густо героический элемент в третьей части, дали высокую оценку произведению — его шедевр драматургического замысла, его музыкально-тематическому материалу, форме и инструментному.

Отрывок из сценария «Сергей Лазо»

Владелец вокзала — Иркутск. Зима. Сильный мороз. Из города доносятся звуки перестрелки. Погромывают пушки. На первом этаже только что выгружены рабочие отряды.

Сергей Лазо! — воскликнула Варвара. Да... Прибыли в ваше распоряжение, — говорит военный, краснея. Вы как раз во-время! — обрадовался Иванов.

Здание вокзала. Читта. Подходит товарищ-пассажирский поезд с заплюсованными окнами. Вместе с другими пассажирами из вагона выходит Сергей Лазо с солдатскими вещевыми мешком за плечами.

В повести «Степь» Чехов рассказывает о подполковнике Васе, который обладал удивительным даром. Степь, для других буря и пустыня, для Васи всегда была полна жизни и содержания.

Разоблачение старых чувств

М. ЧАРНЫЙ. Больше количество трудностей или проявления старого в более сложной форме личное честолюбие: вот я покажу, и вы увидите, а не все колхозы выдвигают? В «Жизнь» есть намеки и на первое и на второе, Петра Ляляка издана жалость.

Литературная газета. № 19. 5. В повести «Степь» Чехов рассказывает о подполковнике Васе, который обладал удивительным даром. Степь, для других буря и пустыня, для Васи всегда была полна жизни и содержания.

На днях на заседании бюро областных комиссий ССР СССР состоялось обсуждение повести Н. Тиханова (г. Куйбышев) «Жар-птица».

По общему мнению, Н. Тиханов несомненно одаренный и талантливый писатель.

С. Болонкин считает Тиханова человеком, имеющим свои идеалы, мечты, сомнения, по-своему думающим о правде социализма, о духовном облике трудящегося человека.

— Часто наши молодые писатели, — говорил С. Болонкин, — либо более или менее грамотно описывают виденное ими, либо иллюстрируют некоторые бесспорные положения. В произведении Н. Тиханова есть серьезный художественный замысел, автор есть кто-то озабоченный, заботящийся о чужой судьбе, о чужой судьбе, о справедливости, к целесообразной организации жизни.

Ю. Лукин считает, что первая часть рукописи — законченное художественное произведение и вполне достойно быть напечатанной в журнале.

Ю. Лукин считает, что первая часть рукописи — законченное художественное произведение и вполне достойно быть напечатанной в журнале.

но и проникновенно. Вторая часть значительно слабее в композиционном отношении.

Актору было сказано и на недостатки стиля. С. Болонкин и М. Эгарт находят, что писатель злоупотребляет иногда формой сказа, Ю. Лукин, Н. Чертова, С. Леман и другие замечают, что прекрасная народная поэтическая речь засорена анахронизмами, «бюрократическими» словами.

Л. Шилова отмечает, что почти все критические замечания относятся именно к тем местам повести, которые, как сообщил Н. Тиханов, переделаны им по указаниям товарищей из редакций альманахов «Волжская новь».

В настоящее время Н. Тиханов пишет продолжение «Жар-птицы» — повесть «Сияние порох».

Интересные факты

КУРСК (От наш. корр.). Недавно Курское областное издательство выпустило брошюру В. Куренца «Народное образование и здравоохранение в Курской области».

В декабре 1914 года Курская губернская земская управа обсуждала вопрос о выделении средств на сооружение памятника А. П. Чехову в Таганроге.

Альманах, посвященный 70-летию со дня рождения В. И. Ленина

КИЕВ (От наш. корр.). Государственное издательство Украины издает к 70-летию со дня рождения В. И. Ленина литературно-художественный альманах.

В альманахе собраны все лучшие произведения украинских советских писателей: о Ленине: отрывки из повес, романов и повестей, поэмы, стихи, рассказы и новеллы.

В этом году выходит на печать «Сказки Красноярского края», собранные известной собирательницей сибирского фольклора М. В. Красноженовой.

Петр Казацкий подготовил к печати книгу рассказов о Запорожье. Сейчас он дорабатывает повесть о Севере, которую читали и одобрили в Краевом драматическом театре.

Красноярск издает сборник стихотворений Михаила Маркова «Начало песни», куда вошли главным образом стихи о новых людях колхозной деревни.

Сергей Саркочев издает очерковую книжку о Терее Советского Союза — красное Запорожье.

Сергей Савинук печатает работу «Литературные образы и сравнения в произведениях товарища Сталина».

Одесский музей еврейской культуры организует выставку, посвященную Шолом-Алейхему. На снимке: рисунки художника А. Норенберга к повести Шолом-Алейхе «С ярмарки», приобретенные музеем. Слева — «Старик Лев» — текст писателя, справа — «Меламед Монош».

«Сибирские огни» за год

НОВОСИБИРСК. (От наш. корр.). Впервые открытое собрание партганизации Новосибирского издательства было столь многослюдным. Кроме работников издательства, пришли писатели, журналисты, библиотекари.

Очерки в журнале появлялись от случая к случаю. Сейчас этот отдел будет постоянным. Введены также постоянные отделы — «Прошлое Сибири», «Новости науки и техники».

На собраниях много говорили об ошибках журнала, допущенных в 1939 году. Больше всего упреков было в адрес редактора Ю. Лукина.

В настоящее время редакция журнала поставила одной из главных своих задач воспитание критических кадров Сибири. Репено в каждой книге журнала помещает статьи о творчестве сибирских писателей и поэтов.

Собрание ознакомилось с содержанием первого номера журнала, выходящего в ближайшие дни. Бюро издательства в ближайшем будущем является первая часть повести Илья Мухомова «Мой друг».

«Сибирские огни» — единственный во всей Сибири литературно-художественный журнал и, разумеется, он не должен замыкаться в рамки одной Новосибирской области.

В прошлом году в журнале были опубликованы исторические поэмы Л. Мартынова, живущего в Омской области, рассказы, повести и стихи писателя Алтайского края — П. Кучкина и А. Киселевой.

Правление отметило, что оборонная комиссия в начале 1940 года поставила большую работу по популяризации литературы среди бойцов и командиров Уральского военного округа.

Помалованию Уральского военного округа организовано для писателей лекции о тактике и технике современного боя.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков. На заседании было решено взять шефство над литературным активом при редакции газеты Уральского военного округа.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Новый Президиум ССР Киргизии

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). В течение трех дней во Фрунзе проходило отчетно-перевыборное собрание ССР Киргизии.

По отчетному докладу ответственного секретаря союза тов. К. Малинова развинулись оживленные прения.

Таиним голосованием в новый президиум избран писатели О. Джакишев, К. Малков, Я. Шиваев, В. Винников и народный акын Алымкул.

В отличие от других сибирских городов, например Иркутска и Новосибирска, Красноярск до сих пор считается в литературном отношении «белым пятном».

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков. На заседании было решено взять шефство над литературным активом при редакции газеты Уральского военного округа.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Оборонная работа уральцев

СВЕРДЛОВСК. (От наш. корр.). На очередном заседании правления Свердловского отделения союза писателей был заслушан отчет председателя оборонной комиссии писателей Н. Анчарова.

Правление отметило, что оборонная комиссия в начале 1940 года поставила большую работу по популяризации литературы среди бойцов и командиров Уральского военного округа.

Помалованию Уральского военного округа организовано для писателей лекции о тактике и технике современного боя.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Красноярским писателям нужна помощь

В отличие от других сибирских городов, например Иркутска и Новосибирска, Красноярск до сих пор считается в литературном отношении «белым пятном».

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

На днях состоялось заседание редакционной комиссии Комитета по ознаменованию 10-летия со дня смерти В. В. Маяковского, на котором выступили представители издательства и редакция журналов.

Одновременно, выпускаемый Госгиздатом 300-тысячным тиражом, уже печатается, К 14 апреля выйдут первые 50 тысяч экз. Слана в печать и поэма «Владимир Ильич Ленин».

В апреле начнут печататься следующие пять томов собрания сочинения Маяковского.

Издательство «Советский писатель» выпускает уже четыре книги — «Сборник стихов о Родине», поэму «Во весь голос», «Мартин» и «Три рассказы».

Слана в производство книга воспоминаний В. Шилова о Маяковском.

Сейчас печатается книга «Маяковский о поэзии». К 14 апреля выйдут первые 50 тысяч экземпляров поэмы Н. Асеева «Маяковский начинается».

В ближайщие дни появится сборник «Маяковский — детям», выпускаемый Детиздатом пятидесяти тысячным тиражом.

Издательство «Искусство» выпускает книгу А. Фаворского «Маяковский-драматург» и монографию «Маяковский-пластик».

Вечер в Московском клубе писателей, посвященный чтению немецких переводов из В. Маяковского, начался вступительным словом О. Брика.

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Новая книга В. Перцова о поэте

На последнем собрании секции московских критиков обсуждалась работа В. Перцова о Маяковском. Автор прочел первую часть критико-биографического очерка, который является вступлением к десятичному изданию произведений поэта.

Обсуждение носило деловой, товарищеский характер. Все понимали большую трудность работы В. Перцова и огромное значение его первой попытки обединить материалы, связанные с жизнью и творчеством великого поэта.

В. Перцов обратил внимание на то, что дата вступления В. Маяковского в подпольную организацию большевиков требует большей точности и более тщательной проверки.

Тов. Незнамов советует более подробно остановиться на отношении Маяковского к символизму, Г. Бродяга находит, что общая расстановка сил в литературе начала XX века требует большей отчетливости и более детального разбора.

В. Перцов совершенно правильно поставил вопрос о том, что к работе над биографией и анализом творчества Маяковского должен быть привлечены коллектив квалифицированных исследователей и писателей.

В. Перцов совершенно правильно поставил вопрос о том, что к работе над биографией и анализом творчества Маяковского должен быть привлечены коллектив квалифицированных исследователей и писателей.

Переводы на немецкий язык

Вечер в Московском клубе писателей, посвященный чтению немецких переводов из В. Маяковского, начался вступительным словом О. Брика.

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

После вступительного слова поэты Г. Гуингерт и Ф. Лешингтер читали свои переводы. Гуингерт ознакомил аудиторию с переводами отрывков из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

День татарской литературы и искусства

Сегодня, 5 апреля, Московский клуб писателей устраивает клубный день, посвященный татарской литературе и искусству.

В литературной части клубного дня приглашены принять участие татарские прозаики и поэты Шейх Мансур, Муса Даяльши (Завидов), Ахмед Файаз, Мирсия Амров, Нур Бали, Ахмед Исхаков, Артистаны Татарского государственного академического театра драмы будут исполнены сцены из пьесы Талжи Гизат «Потоки».

11 апреля в клубе большой концерт — смотр молодых дарований. Выступит артист Ульяновского театра и театра им. Станиславского.

В двадцатипятилетнюю литературную деятельность В. И. Билал-Белопокровского посвящается вечер 13 апреля.

Письмо в редакцию

Уважаемый тов. редактор! В вашей газете от 10 марта была помещена глава из моей повести для детей «Большие папы».

Главная цель, посвященная встрече В. В. Маяковского с А. М. Горьким, была написана после прочтения мной в стенограмме воспоминаний М. Ф. Андреевой, находящейся в библиотеке-музее им. Маяковского.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.

Вот почему писательница Елена Лавренко и слала нормы воровских стрелков.